

А.М. Гагинский

ХАЙДЕГГЕР, НИЧТО И ПРЕОДОЛЕНИЕ СТРАХА СМЕРТИ

Гагинский Алексей Михайлович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: algaginsky@gmail.com

В статье рассматривается «философия тревоги» раннего Хайдеггера. Отмечается влияние Ницше на молодого философа, а также травматический опыт Первой мировой войны, которая изменила мировоззрение автора «Бытия и времени», заставив его пересмотреть в том числе и свое отношение к «системе католицизма». В статье рассматривается описание Хайдеггером ситуации, когда человека охватывает тревога там, где он этого совершенно не ожидает, где он обычно чувствует себя как дома. В норме, будучи павшим, то есть находясь в мире и суесться в ежедневных хлопотах, человек чувствует себя уверенно среди сущего, по-свойски, как дома. Однако с ним случаются такие состояния, которые лишают его спокойствия. Это происходит потому, что существующий тревожится *im Grunde seines Seins*, в основании своего бытия. Человек осознает собственную смертность и конечность бытия, которая представляет собой угрозу, открывая возможность тревоги (бессмертные существа, например, ангелы, иначе относятся к бытию, для них анализ *Dasein* нерелевантен). Страх принадлежит онтическому, он характеризует павшее состояние. Когда же человек восходит к Ничто, которое открывается как бытие, то есть когда человек в каком-то отношении возвышается над сущим, тогда он превосходит и страх. В результате Хайдеггер предстает вовсе не как философ ужаса и смерти, как его часто понимают, ибо «философия тревоги» есть лишь один из способов размыкания бытия. По ходу статьи также обсуждается вопрос о переводе некоторых понятий Хайдеггера на русский язык, что является насущной задачей для отечественного хайдеггероведения.

Ключевые слова: Бог, бытие, сущее, ничто, страх, тревога, смерть, М. Хайдеггер

Для цитирования: *Гагинский А.М.* Хайдеггер, Ничто и преодоление страха смерти // Философский журнал / Philosophy Journal. 2023. Т. 16. № 3. С. 85–102.

На склоне лет М. Хайдеггер вспоминал: «Что принесли волнительные годы между 1910 и 1914 гг., надлежащим образом невозможно сказать, только лишь выборочно упомянуть кое-что из этого: второе издание “Воли к власти” Ницше, увеличенное вдвое, перевод произведений Кьеркегора и Достоевского, пробуждающийся интерес к Гегелю и Шеллингу, поэзии Рильке

и Тракля, “Собрание сочинений” Дильтея»¹. Примечательно, что Ницше стоит в этом ряду первым. Как вспоминал Г. Окснер, приятель философа, на стене комнаты Хайдеггера в то время висела фотография Ницше². По всей видимости, бывший семинарист, а в те годы студент теологического факультета, испытывал достаточно большое влияние со стороны выдающегося предшественника: «Мышление Хайдеггера движется в своеобразной близости к философии Ницше даже там, где оно дистанцируется от нее. Если предположить такую близость, то даже ранний Хайдеггер может показаться преемником Ницше или, по крайней мере, рассматриваться как подверженный его невяному, но глубокому “влиянию”»³. В числе прочего с этим связано и постепенно возрастающее у Хайдеггера отторжение от католической веры⁴, в которой он был воспитан, этим обусловлен и целый ряд существенных аспектов его философии. Во всяком случае, слова Заратустры очень хорошо передают настроение Хайдеггера того периода: «Пугающе-бездомно человеческое существование (Unheimlich ist das menschliche Dasein) и все еще бессмысленно (ohne Sinn): шут может стать для него судьбой. Я хочу учить людей смыслу их бытия (den Sinn ihres Seins), каковой есть сверхчеловек: молния из темной тучи человека»⁵. Пожалуй, было бы трудно более емко описать философию раннего Хайдеггера. Именно пугающую бездомность человеческого существования Хайдеггер поставит в центр своей философии. Поскольку это имеет большое значение для понимания его мысли, следует сделать краткое терминологическое пояснение.

1. Корень «кров, дом» (Heim), откуда прилагательное «сокрытый, сокровенный» (heimlich), в отрицательной форме приобретает в немецком языке четкий оттенок пугающего, что не передается буквальным переводом «неукрытый, бездомный» (unheimlich). Однако прилагательное «жуткий», ближайшее словарное значение для unheimlich, не выражает исходного смысла этого понятия: раскрытый, уязвимый и именно потому пугающий, или жуткий. Для Хайдеггера важны оба эти аспекта, он использует корень этого слова: отсутствие крова, то есть неукрытость, уязвимость, которая пугает и пробуждает в человеке тревогу. Поэтому всякий раз, когда unheimlich Хайдеггера передается как жуткое, читатель русского перевода остается лишь с частью необходимого для понимания смысла. Строго говоря, у Хайдеггера вообще нет «жуткого», равно как у него нет и «ужаса» (о чем будет сказано ниже). Несмотря на то, что эти термины уже устоялись в русскоязычных переводах и исследовательской литературе, с моей точки зрения, они лишь сбивают с толку. Главная проблема в том, что эти термины слишком

¹ Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 1: Vorwort zur ersten Ausgabe der «Frühen Schriften» (1972). Frankfurt am Main, 1977. S. 56.

² Ochsner H. Das Mass des Verborgenen. Aufsätze, Aufzeichnungen, Vorträge und Briefe. Hannover, 1981. S. 216.

³ Müller-Lauter W. Heidegger und Nietzsche. Nietzsche-Interpretationen III. Berlin; N.Y., 2000. S. 1.

⁴ Хайдеггера интересовал не только Ницше, но и один из его лучших друзей – церковный историк Ф. Овербек, человек весьма свободных взглядов на историю христианства (Heidegger M. Vita // Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 16: Reden und andere Zeugnisse eines Lebensweges. Frankfurt am Main, 2000. S. 41). Вообще говоря, протестантское богословие довольно сильно интересовало Хайдеггера в те годы, что в конечном счете даже привело к разрыву с католичеством в самом начале 1919 г.

⁵ Nietzsche F. Werke. Bd. 6: Also sprach Zarathustra: Ein Buch für Alle und Keinen. Leipzig, 1899. S. 24.

экспрессивны и отсылают к уровню онтического, тогда как Хайдеггер говорит не о психологии или антропологии, а о положении человека в бытии, он говорит о структуре Dasein, т.е. существующего, который пугающе-бездомен и потому встревожен в самом основании своего бытия⁶.

2. Человеческое существование (das menschliche Dasein) – это развернутая формулировка того, что в «Бытии и времени» станет знаменитым Dasein, которое следует понимать как «существующее», или «существующий»⁷. Как отмечал Хайдеггер в 1924 г.: «В дальнейшем слово Dasein терминологически просто употребляется вместо menschliches Dasein»⁸. Поэтому перевод зависит от контекста: в тех случаях, когда человек и его существование передаются одним понятием, Dasein – существующий; когда же человек и его существование передаются двумя лексическими единицами, перевод должен быть соответствующий: das menschliche Dasein – человеческое существование, Dasein des Menschen – существование человека, Dasein im Menschen – существенное в человеке, или существующее в человеке, то есть попросту его жизнь, потому что Dasein понимается как основа и суть человека, как его душа, в соответствии с тезисом: сущность существующего лежит в его существовании⁹; наконец, когда Хайдеггер говорит о Da-sein (очевидно, как-то отличая его от Dasein), то в соответствии с новым написанием переводить это понятие приходится безликим «вот-бытие» (по сути это *зде-сущий* – урезанный *езде-сущий*, поскольку Хайдеггер определяет человека так, как схоласты описывали Бога¹⁰); соответственно, das Dasein “im” Menschen – вот-бытие «в» человеке, или вот-бытия «в» человеке (ведь Da-sein не только вот-бытие, но и вот-бытия, то есть место бытия).

⁶ Можно встретить вариант перевода unheimlich на русский язык как «неуютный», «неуютное» (Ликунова А. Оптика жуткого «Unheimlich – опыт» в новеллах Эдгара По // Опыт и чувственное в культуре современности: Философско-антропологические аспекты. М., 2004. С. 133, прим. 6). Несмотря на то, что этимологически такой перевод является более или менее правильным, он не передает смысла немецкого слова, который связан с тем, что эта неуютность может порождать страх и довольно сильно пугать, откуда и обычное словарное значение – «жуткий». Поэтому такой вариант не подходит. Хороший разбор данного понятия имеется у З. Фрейда в статье «Das Unheimliche», конечно, с акцентом на его психоаналитическое истолкование (Фрейд З. Жуткое // Фрейд З. Художник и фантазирование. М., 1995. С. 265–281), что нерелевантно для Хайдеггера по причине того, что философ не занимался анализом эмоций или психологии человека. Однако Фрейд обращает внимание на определение данного понятия у Шеллинга: «Жутким [то есть букв. неукрытым, пугающе-бездомным, иначе определение Шеллинга останется непонятным. – А.Г.] называют все то, что должно было оставаться тайным, скрытым и вышло наружу» (Цит. по: Там же. С. 275). Фрейд поясняет это следующим образом: «...жуткое (unheimlich) – это в прежние времена родное, давно привычное. Приставка “не” (un) в этом слове – опять-таки клеймо вытеснения» (Там же. С. 267, 277, более подробное пояснение: С. 275). Такая трактовка интересна в связи с тем, что позволяет скорректировать понимание этой пугающей-неукрытости человека: если unheimlich связано с возвращением того, что было когда-то вытеснено, то эта перспектива раскрывает наиболее важное значение этого понятия в аналитике Dasein и возвращает к философии Кьеркегора, у которого за тревогой (Angest) стоит идея грехопадения.

⁷ Подробнее об этом: Гагинский А.М. Dasein в России: еще раз к вопросу о переводе // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2022. № 4 (16). С. 110–133.

⁸ Хайдеггер М. Понятие времени. СПб., 2021. С. 27.

⁹ Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 2: Sein und Zeit. Frankfurt am Main, 1977. S. 56.

¹⁰ Ср.: Арндт Х. Что такое экзистенциальная философия? // Арндт Х. Опыты понимания, 1930–1954. Становление, изгнание и тоталитаризм. М., 2018. С. 318 и далее.

3. Отсутствие смысла (*ohne Sinn*) существования, принимаемое за аксиому (на самом деле, именно это и является причиной пугающей уязвимости, рождающей тревогу), и вопреки всякому отчаянию сквозящая возможность «научить людей смыслу их бытия» – в этом состоит основная задача не только Ницше, который говорит, что «после поисков во всем совершающемся “смысла”... ищущий в конце концов падает духом»¹¹, но и Хайдеггера, ибо в этом падении обесценивается лишь человеческое, тогда как его существо, *Dasein im Menschen*, остается устойчивой основой, которую невозможно редуцировать или обесценить. Как говорит Хайдеггер: «Если человек есть человек лишь *на основе существующего в нем (auf dem Grunde des Daseins in ihm)*, тогда вопрос о том, что изначально, чем человек, в принципе не может быть антропологическим»¹². Изначальное человека – *Dasein im Menschen*, существенное, или существо в человеке (как душа в теле), каковое есть его существование. Иначе говоря, *Dasein* – это онтологический скелет человека, и как скелет еще не есть человек, так и *Dasein*, существенное в человеке, еще не человек, но без человека не мыслится.

Поднимая глаза от письменного стола, Хайдеггер смотрит на фотографию Ницше: «молния из темной тучи человека», – в свете этой вспышки бытия человек должен увидеть себя, «я хочу учить людей смыслу их бытия»...

Бессмысленность существования, возможно, оставалась бы лишь поэтическим выражением определенного настроения, но началась Первая мировая война, которая поставила философа перед предельной серьезностью этих утверждений: «...с августа по ноябрь 1918 года Хайдеггер служил метеорологом на фронтовой метеостанции № 414. Во Второй битве на Марне германскому вермахту для применения отравляющих газов были необходимы прогнозы наблюдательной метеостанции, расположенной на возвышенности. В самих боевых действиях Хайдеггер не участвует. Хотя наверняка следит в бинокль за тысячами немецких солдат, выбегающих из окопов навстречу верной смерти»¹³. Заключительное предположение подтверждается письмами с фронта, в которых Хайдеггер рассказывает супруге о том, например, как маршируют штурмовые батальоны, молодые, бледные и решительные лица, которые идут в ад¹⁴. Опираясь на эти свидетельства, У. Олтман утверждает, что вся ранняя философия Хайдеггера определяется настроениями *Nachkriegszeit* (послевоенного времени), вследствие чего «...онтологические (и онтические) категории “Бытия и времени”, начиная с *Dasein*, представляют собой похоронную ораторию (*funeral oration*) для немецких солдат Первой мировой войны»¹⁵. Это очень важное замечание, помогающее лучше понять *Dasein*, его суровое мировидение, основополагающую

¹¹ Ницше Ф. Воля к власти: Опыт переоценки всех ценностей. М., 2005. С. 33–34.

¹² Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 3: Kant und das Problem der Metaphysik. Frankfurt am Main, 1991. S. 229–230.

¹³ Айленбергер В. Время магов. Великое десятилетие философии: 1919–1929. М., 2021. С. 54–55.

¹⁴ См.: Mein liebes Seelchen! Briefe Martin Heideggers an seine Frau Elfride, 1915–1970. München, 2005. В частности, письмо от 13 сентября 1918 г. Эти свидетельства дополняет переписка Хайдеггера с Э. Блохманн: Martin Heidegger – Elizabeth Blochmann. Briefwechsel 1918–1969. Marbach am Neckar, 1989. S. 7–15.

¹⁵ Altman W.H.F. Martin Heidegger and the First World War: Being and Time as Funeral Oration. Lanham, 2012. P. 5, 109–110.

тревогу, культ героизма и мужества, а также последующее падение в 1930-е гг. Такая трактовка проясняет, почему философия раннего Хайдеггера написана в столь мрачных тонах. Но так ли она безрадостна и безнадежна, как это любят повторять?

Как известно, Первая мировая война чрезвычайно сильно повлияла на европейскую культуру, то было тревожное время, время мирового страха, как писал О. Шпенглер в 1918 г.: «Здесь, в этой решающей точке существования (*entscheidenden Punkt des Daseins*), где человек впервые становится человеком и узнает свое чудовищное одиночество во Вселенной, обнаруживается мировой страх, как чисто человеческий *страх перед смертью*, границей в мире света, неподвижным *пространством*. Здесь берет начало высшее мышление, которое прежде всего есть размышление о смерти»¹⁶. Пожалуй, эти слова могли бы принадлежать и молодому Хайдеггеру – тот же пафос, те же темы, та же лексика. Второй том «Заката Европы» (1922) начинается следующими словами: «Посмотри вечером на цветы, когда один за другим они закрываются на закате солнца: тебя охватывает тогда нечто пугающе-бездомное (*Unheimliches*), чувство загадочной тревоги (*Angst*) перед этим слепым, мечтательным, привязанным к Земле существованием (*Dasein*)»¹⁷. И несмотря на то, что Хайдеггер весьма критически относился к Шпенглеру, то мироощущение, которое описывает последний, автору «Бытия и времени» во многом близко, ведь оба они переживали судьбу своей страны и при этом обоим вдохновлял Ф. Ницше¹⁸.

Война, страх, бездомность и чудовищное одиночество – это исходные позиции, которые затем становятся «философией *Dasein*». В частности, Хайдеггер описывает ситуацию, когда человека охватывает тревога даже там, где он обычно чувствует себя как дома:

Если, однако, бытие-в (*Insein*) при падении в мир озабочивается своим бытием, тогда павшее озабочение должно основываться на некоей *бытийной-угрозе* для существующего (*einem Bedrohtsein des Daseins*). Эта бытийная-угроза, которая гонит данное существующее в его мир, однако, не может исходить от мира. Бытийная-угроза должна лежать в самом бытии существующего (*Sein des Daseins*). Возможность этого дана в основоустройстве существующего – в его раскрытости. Существующий (*Dasein*) – это находящее себя в определенном состоянии бытие-в. Павшее бытие-в заботится о свойскости и умиротворении «как-дома» («*zu Hause*»). Павшее «прочь от... к» есть бегство от «не»-«как-дома» («*Un*»-«*zu Hause*») – от *пугающей-бездомности* (*Unheimlichkeit*). Пугающе всякий раз лишь то, что бытие-в как таковое «затрагивает». Однако озаботивший мир и встречный в нем мир самости – безликой самости (*man selbst*) – суть свойское и знакомое. В темноте, то есть при отсутствии света как возможности видеть, или в одиночестве, и даже в знакомом окружении (*Umwelt*) может стать пугающе-бездомно (*unheimlich*). Отсутствие света или ближних приводит к тому, что в круге того, в чем

¹⁶ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. М., 1998. С. 327–328.

¹⁷ Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. München, 1972. S. 557.

¹⁸ О некоторых параллелях между мыслителями: Визгин В.П. Освальд Шпенглер и Мартин Хайдеггер // Философские науки. 2015. № 7. С. 68–82. Как отметил Дж. Стейнер, «...не приходится сомневаться, что Хайдеггер находился под влиянием шпенглеровского сценария фатального упадка Запада» (Steiner G. Martin Heidegger. With a new Introduction. Chicago, 1991. P. 75).

я дома, становится пугающе-бездомно. Больше не как дома. Характер настроения этого бытия-больше-не-как-дома есть тревога (Angst). Когда она проходит, говорят: на самом деле не было ничего (nichts). Язык здесь адекватно передает феномен. Тревога есть нахождение себя перед Ничто (vor dem Nichts)¹⁹.

В обычном состоянии человек чувствует себя вполне естественно в мире, этот последний для него привычен, человек в нем как дома. Он находит себя в своем мире – этот мир как-то освоен, обжит, однако иногда пропадает почва под ногами, из этой освоенности и привычного уюта человека изымает чувство тревоги, которая может быть тихой и незаметной или же, наоборот, возрастать до панических приступов (есть разные степени тревожности). Человек находит себя в бытии, осознает себя здесь и сейчас, понимая, что он существует, он чувствует хрупкость существования – свою конечность, смертность. Угроза таится в самом факте его конечного бытия, «в самом бытии существующего... в основоустройстве существующего», в его раскрытости бытию. И эта угроза лишает его опоры под ногами, он больше не дома (Un-zu-Hause). Ощущение уюта и домашнего спокойствия рассеивается и человеку открывается его пугающая бездомность: zu Hause – Un-zu-Hause – Unheimlichkeit (Хайдеггер использует близость слов Hause и Heim, дом и кров). Вселенная, ойкумена – это дом, но он построен на песке, у него нет основания. Теплое солнце и голубое небо создают ощущение покоя и уюта, однако наступает ночь и оказывается, что небо – лишь иллюзия («Открылась бездна, звезд полна; / Звездам числа нет, бездне дна»), оно *скрывает* (geheim hält) наше положение во Вселенной. Так и здесь: в норме, будучи павшим, то есть находясь в мире и суеясь в ежедневных хлопотах, человек чувствует себя уверенно среди сущего, по-свойски, как дома, однако с ним случаются такие состояния, которые лишают спокойствия: весь мир вдруг расступается, оставляет человека, и оказывается, что на самом деле он не дома, ибо ему здесь ничего по сути не принадлежит (как говорят, с собой не заберешь), он чувствует свою уязвимость, незащищенность и бездомность, которые его пугают. Он всего лишь homo viator, как говорил Дунс Скот, то есть странник, скиталец, в случае Хайдеггера – бездомный, бродяга. В такие минуты человек остается наедине с самим собой, возвращается от павшего в мир состояния к подлинному себе, когда все вещи мира как бы отступают, все тонет в некоем безразличии и обесценивании – так человек открывается своей *сокровенной* экзистенции. Поэтому он и называется у Хайдеггера существующим, Dasein, ведь кроме хрупкого существования у него больше ничего нет. Суть существующего – его существование. Однако существование ничем не гарантировано, не застраховано (нет алиби в бытии, как говорил М.М. Бахтин). И вот существующего охватывает тревога, вызываемая пугающей-бездомностью, незащищенностью в бытии, поэтому она и таится «в основоустройстве существующего». Можно построить крепость и укрыться в ней от враждебного сущего, от вирусов и других людей, однако невозможно укрыться от собственной незащищенности в бытии, которая принадлежит самой сути существующего (unheimlich ist das menschliche Dasein). Невозможно как-то закрепиться в бытии, найти в нем опору и основание, ибо бытие бесосновно. Оно просто дано и может так же запросто быть забрано.

¹⁹ Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 64: Der Begriff der Zeit. Frankfurt am Main, 2004. S. 42. Имеется хороший перевод А.П. Шурбелева (Хайдеггер М. Понятие времени. С. 59), однако я зачастую понимаю и передаю мысль Хайдеггера несколько иначе, чем отечественные переводчики, а потому *здесь и далее даю свои переводы*.

«Лишь чистое вот-бытия (Da-sein) в потрясении от этой подвешенности, где оно не может ни за что ухватиться, все еще здесь вот (ist noch da)»²⁰.

Здесь следует сделать еще одно терминологическое пояснение. В отечественной традиции, благодаря В.В. Бибихину, понятие Angst стало пониматься как «ужас», однако это неверно: Dasein – это солдат, марширующий в сторону фронта, в его бледном и молчаливом выражении лица читается трезвая тревога и решимость, но не ужас. Хайдеггер описывает различие Angst и Furcht именно так, как в психологии различаются *тревога* и *страх* (вероятно, как раз под влиянием философии): «Следует отметить, что большинство авторов (как отечественных, так и зарубежных) склонны рассматривать тревогу как реакцию на неопределенный, часто неизвестный сигнал, а страх как ответ на конкретный сигнал опасности. <...> Так, тревога чаще возникает задолго до наступления опасности, в то время как страх возникает при ее наступлении или незадолго до нее. Источник страха, как правило, осознается человеком и носит вполне конкретный характер (злая собака, предстоящий экзамен, грозный начальник), в то время как источник тревоги часто не осознается или не поддается логическому объяснению. <...> Тревога проецирована на будущее, а источником страха является прошлый психотравмирующий опыт»²¹. В таком смысле Хайдеггер и описывает различие между Angst и Furcht: тревога принципиально беспредметна, тогда как страх есть реакция на конкретную угрозу. И именно по причине своей беспредметности тревога позволяет расступиться существу, всем вещам мира, и тогда перед человеком раскрывается Ничто²². Такова феноменология тревоги:

Бывает ли у существующего человека (im Dasein des Menschen) такая настроенность (Gestimmtsein), в которой он становится близок к самому Ничто? Это возможно и так действительно происходит – хотя достаточно редко – только в моменты господствующего настроения тревоги (Angst). Под этой «тревогой» мы подразумеваем не довольно частую встревоженность, которая легко появляется и по сути относится лишь к устрашающему. Тревога в корне отличается от страха (Furcht). Мы страшимся всегда того или иного определенного сущего, которое нам угрожает в том или ином определенном отношении. Так, страх перед... страшится всякий раз чего-то определенного. Поскольку страху свойственна эта определенность «перед чем» и «за что», боящийся и страшящийся удерживается тем, в чем он находится. Стремясь спастись от этого – от этого определенного – он становится неуверенным и в отношении остального, т.е. в целом «безрассудным». Тревога не позволяет возникнуть такому замешательству. Она гораздо чаще пронизана своеобразным покоем (Ruhe). И хотя тревога всегда есть тревога перед... однако не перед тем или иным. Тревога перед... всегда есть тревога за... однако не за то или это. Тем не менее неопределенность этого «перед чем» и «за что» мы тревожимся есть не просто

²⁰ Heidegger M. Was ist Metaphysik? // Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 9: Wegmarken. Frankfurt am Main, 1976. S. 112.

²¹ Щербатых Ю.В. Психология страха: популярная энциклопедия. М., 2005. С. 72. См. также фундаментальное исследование «эпохи тревоги» – от Канта до Левинаса, с двумя раздѣлами по Хайдеггеру: Bergo V. Anxiety: A Philosophical History. N.Y., 2021. P. 339–398.

²² Ничто пишется с большой буквы, чтобы обозначить его как предикат, или как имя, и отличить от негативности, или квантора, как ошибочно понимал дело Р. Карнап, критикуя Хайдеггера: «...слово “ничто” имеет здесь обычное значение логической частицы, которая служит для выражения негативного предложения существования» (см.: Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология). М., 1998. С. 80).

отсутствие определенности, но сущностная невозможность определимости. Это проявляется в следующей известной интерпретации. В тревоге мы говорим: «это что-то пугающее». Что означают «это» и «что-то»? Мы не можем сказать, что есть это пугающее. Это в целом так. Все вещи и мы сами тонем в каком-то безразличии. Однако это не в смысле простого исчезновения, но они поворачиваются к нам в их отдалении как таковом. Это отдаление сущего в целом, которое обступает нас в тревоге, теснит нас. Опоры не (kein) остается. Остается и давит на нас – в ускользании сущего – лишь это «не» (kein). Тревога открывает Ничто²⁵.

Тревога – это такое настроение, которое возвращает существующего в исходное и, по мысли Хайдеггера, подлинное состояние, которое скрытым или явным образом имеется у всякого *смертного*: тревога подспудно всегда уже определяет его бытие-в-мире. Это не наблюдение психолога за человеком, но структура Dasein, существующего, причем здесь нет речи о том, откуда появилась эта тревога в основании бытия²⁴, здесь пока что фиксируется лишь само ее наличие: «Физиологическое возникновение тревоги возможно лишь потому, что существующий тревожится в основании своего бытия (im Grunde seines Seins)»²⁵. Иначе говоря, «*перед чем*» тревоги есть *бытие-в-мире как таковое*»²⁶. В связи с этим Хайдеггер полагает, что тревога есть более исходный феномен, чем обычная жизненная суэта:

Тем не менее тревога возвращает существующего из его павшего растворения в «мире». Повседневная свойскость разрушается. Существующий обособлен, но именно как бытие-в-мире. Бытие-в входит в экзистенциальный «модус» не-как-дома. Ничего другого речь о «пугающей-бездомности» не подразумевает. <...> Успокоено-освоившееся бытие-в-мире есть разновидность пугающей-бездомности существующего, а не наоборот. Это не-как-дома (Un-zuhause) экзистенциально-онтологически следует понимать как более исходный феномен. И лишь поскольку тревога подспудно всегда уже определяет бытие-в-мире, последнее, как находящееся в состоянии озабоченности бытие при «мире», способно страшиться. Страх есть упавшая в «мир», несобственная и от себя самой как таковая скрытая тревога²⁷.

В тревоге мир расступается, обнажая Ничто, и человек остается один на один с самим собой и своим бытием: существующий, т.е. смертный, обособлен от всего окружающего, он сам по себе, он уединен, что Хайдеггер называет «экзистенциальным „солипсизмом“»²⁸. Напротив, понятия «ужас» и «жуть», которые использует В.В. Библихин, создают представление о некоем

²⁵ Heidegger M. Was ist Metaphysik? S. 111–112.

²⁴ Как отмечалось выше, Хайдеггер в этом следует за Кьеркегором, который впервые разграничил эти понятия (дат. Frygt и Angest), связав скрытую тревогу с идеей первородного греха (Кьеркегор С. Понятие страха. М., 2022. С. 42 и далее). Это приобретает особое звучание в контексте упомянутой выше идеи Шеллинга и Фрейда о том, что unheimlich – «то, что должно было оставаться тайным, скрытым и вышло наружу» (см. выше, прим. 6), то есть давно привычное, что, однако, было вытеснено, но внезапно вернулось. С этой точки зрения, тревога и пугающая бездомность есть воспоминание о состоянии человека, в которое он погрузился из-за грехопадения, когда лишился рая – своего подлинного дома.

²⁵ Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 2: Sein und Zeit. S. 252.

²⁶ Ibid. S. 247.

²⁷ Ibid. S. 251, 252.

²⁸ Ibid. S. 250.

экзальтированном состоянии, которое передает скорее предельные состояния эмоционального напряжения, пиковое состояние страха, его максимальную интенсивность, как на картине «Крик» Э. Мунка. Но это совсем не то, о чем говорит Хайдеггер. В состоянии ужаса нельзя пребывать длительное время, тем более всегда в нем находиться, то есть ужас не может «подспудно всегда уже определять бытие-в-мире», он попросту разрушителен для человека. В состоянии «трезвой тревоги (*nüchternen Angst*)»²⁹ человек не теряет голову, но сохраняет себя, тогда как об ужасе можно сказать, что человек как раз теряет себя, становится безрассудным: в стремлении спастись от надвигающейся угрозы человек оказывается охвачен страхом, в панике он теряет голову (*Kopflös*), то есть в состоянии ужаса человек теряет *себя*. Поэтому тревога, напротив, характеризуется как своеобразный покой (*eigentümliche Ruhe*), некое фоновое и трезвое состояние, основное настроение (*Grundstimmung*) солдат, марширующих в сторону ада. Это как раз вполне характерно для чувства тревоги, которая может сопровождать человека длительные периоды времени, причем он может даже не отдавать себе в этом отчет и затрудняться определить, чем она вызвана. Интерпретация В.В. Бибикина сильно сгущает краски и потому сбивает с толку – она избыточно экспрессивна в данном отношении. И хотя он на ней не настаивал³⁰, она все же закрепила в отечественных исследованиях и переводах. Как следствие, мы имеем образ философа вины, ужаса и смерти.

Вообще говоря, для ужаса в немецком языке есть *das Grauen*, если речь идет о некотором затянувшемся состоянии, либо *das Entsetzen*, если это краткое мгновение ужаса, наподобие *der Schreck* – испуга. Поэтому об ужасе у Хайдеггера речь вовсе не идет, поскольку он относится к уровню онтического, то есть к страху, который «легко появляется и по сути относится лишь к устрашающему». К сожалению, в отечественном хайдеггероведении искаженное представление об этом основополагающем состоянии *Dasein* настолько устоялось, что все уже привыкли к такому перетолкованию мысли Хайдеггера. Однако важно заметить, что с исчезновением ужаса основополагающее состояние тревоги перестает быть чем-то зловещим и жутким, как часто пишут, ибо ясная тревога не несет в себе разрушительной негативности, которая присуща онтическому уровню, где как раз и расположены ужас и жуть. Не следует избыточно драматизировать философию Хайдеггера, ибо она как раз и посвящена тому, чтобы преодолеть страх и сопутствующее ему ужасание. То, куда философ хочет прорваться – это своеобразный покой, присущий бытию, отрешенный от суеты и ужаса сущего, скорее, космический покой бытия.

Кроме того, ужас не связан с заботой, в отличие от тревоги: заботиться о чем-либо – это тревожиться о чем-то, то есть забота естественным образом перерастает в тревогу, и наоборот – тревога в заботу, между ними нет какого-то разрыва. Это пара структурных онтологических понятий: они взаимосвязаны и вместе с тем совершенно различны. Иначе говоря, это схожие, но разнонаправленные интенции: забота уводит человека от самого себя, утягивает его вниз, в вещи, отсюда и термин «падение», «павшность», то

²⁹ Ibid. S. 410.

³⁰ Как он сам отметил: «Для *Angst* оставлен ужас... хотя «тревога» и «тоска» здесь тоже служили бы» (*Бибикин В.В. Примечания переводчика // Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997. С. 450*). И надо сказать, служили бы значительно лучше.

есть суета, в которой человек теряет себя. Забота не позволяет внимать голосу бытия; поскольку человек озабочен вещами, он проваливается в сущее, тогда как тревога, напротив, выводит его из этого состояния: «Тревога... возвращает существующего из его павшего растворения в “мире”»³¹. И напротив, ужас никуда человека не возвращает, он ослепляет и парализует. Тревога не направлена на что-то конкретное, она обладает сущностной неопределенностью, которая обращает человека к предельному выражению этой беспредметности – к Ничто, благодаря чему сущее отступает, отдаляется. Ничто как бы элиминирует сущее, ограничивает бытие от сущего, после чего человек возвращается к своему подлинному состоянию: он перестает суетиться и начинает быть собой. Это так потому, что бытие – ничто из сущего, ибо бытие не есть сущее, но есть не-сущее – Ничто. Предстояние перед Ничто есть вместе с тем раскрытие бытия. В связи с этим Хайдеггер ссылается на Гегеля: «Чистое бытие и чистое ничто есть поэтому одно и то же», после чего поясняет:

Это утверждение Гегеля является правильным. Бытие и ничто соотносятся друг с другом, однако не потому, что они – с точки зрения гегелевского понятия мышления – совпадают в своей неопределенности и непосредственности, а потому, что само бытие по существу конечно (*das Sein selbst im Wesen endlich*) и раскрывается только в трансценденции существующего, выдвинутого в Ничто (*in der Transzendenz des in das Nichts hinausgehaltenen Daseins*)³².

Существующий, будучи чем-то сущим, трансцендирует в своем выступании из сущего в Ничто, то есть превосходит себя в качестве всего лишь сущего. Это открывается для него беспредметной тревогой, поэтому и говорят, когда она проходит, что «на самом деле и не было ничего» – человек тревожился не из-за какой-то вещи или ситуации, он не боялся чего-то, но в буквальном смысле это было из-за ничего, из-за ничто. Само Ничто его тревожило. (Как сказал бы Плотин, кто проходил через такое – знает, о чем идет речь).

Поэтому ошибочна трактовка Хайдеггера, согласно которой «не возможная смерть вызывает у *Dasein* ужас, тревогу и опыт (чего-то) жутко зловещего, а именно – и только – жизнь!»³³. Здесь достаточно задать простой вопрос: почему сама жизнь вызывает «ужас, тревогу и опыт (чего-то) жутко зловещего»? Как это вообще возможно? Бытие как таковое, или жизнь как таковая, просто не может вызывать «ужас». Бытие тревожит человека именно потому, что оно конечно, ибо человек смертен и таково его понимание бытия, то есть лишь потому, что бытие получило определенную интерпретацию в качестве наброска, а вовсе не по той причине, что жизнь сама по себе якобы вызывает «ужас». Нет, человек смертен и конечность его бытия является собой угрозой, бытийную угрозу, открывая возможность тревоги, в основании которой – само бытие, сам факт, что существующий существует: «Перед чем» и «за что» тревоги вместе есть сам существующий, точнее говоря, тот факт, что я есть (*daß ich bin*); ибо я есть в смысле голого бытия-в-мире

³¹ Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 2: Sein und Zeit. S. 251.

³² Heidegger M. Was ist Metaphysik? S. 120.

³³ Вавилов А.В. Актуальность хайдеггеровской герменевтики жуткого в современной философии // М. Хайдеггер и русская философская мысль. Коллективная монография. СПб., 2020. С. 327.

(ich bin nämlich im Sinne des nackten In-der-Welt-seins)»³⁴. Но речь здесь идет не о каком-то безличном или объективном бытии (такие концепты недопустимы у Хайдеггера³⁵), но также и не о бытии скалы или дерева, а о конечном бытии экзистирующего Dasein, то есть даже не само бытие является угрозой, вызывающей тревогу, а именно уязвимость человека, «потрясение от этой подвешенности, где он не может ни за что ухватиться». Бытие вызывает тревогу потому, что оно конечно, то есть оно является основанием тревоги потому, что оно *истолковано* Хайдеггером как конечное (das Sein selbst im Wesen endlich). Бытие-к-смерти конституирует Dasein и его доступ к бытию. Отсюда специфическая аффицированность бытием, проявляющаяся в сознании конечности существования и собственной смертности.

Однако бессмертные существа иначе относятся к бытию, а значит, к ним экзистенциальная аналитика неприменима: «Сущее, которое есть по способу экзистенции, – это человек. Только человек экзистирует. Скала есть, но она не экзистирует. Дерево есть, но оно не экзистирует. Лошадь есть, но она не экзистирует. Ангел есть, но он не экзистирует. Бог есть, но он не экзистирует»³⁶. Бытие как таковое аффицирует дерево, ангела, Бога и человека по-разному. Например, ангел существует, а человек экзистирует, ангел радуется, а человек тревожится, тогда как дерево существует, но не тревожится и не радуется. Следовательно, способ аффицирования зависит от сущего, а не от бытия, или жизни как таковой. В отношении бытия Бога или ангела нельзя сказать, что их бытие по существу конечно. В случае Бога, например, бытие вечно, в случае ангела – бесконечно. Более того, это не весь спектр возможного аффицирования бытием: если ангел павший, то он тоже тревожится и боится, причем куда больше человека, но и человек может быть благодарным и радоваться в основании своего бытия³⁷. Бытие как таковое аффицирует многообразное сущее, es gibt diese Affektion vom Sein als solchem, как говорит Хайдеггер³⁸, и качество этого аффицирования зависит не от бытия, а от типа сущего, которое всякий раз существует своим собственным образом. В случае *смертного* существа, «тревога есть не что иное, как простой опыт бытия в смысле бытия-в-мире»³⁹. В случае Бога таковым было бы блаженство, в случае ангела – радость. Такова феноменология тревоги, которая рождается из смертности и конечности существующего, а вовсе не из самой жизни. Хайдеггер вполне мог бы сказать, что у Бога или дерева имеется бытие, но нет экзистенциала тревоги, потому что их способ бытия иной, чем у Dasein.

Вглядываясь в лица солдат, маршем идущих в ад, Хайдеггер разглядывает тревогу и решимость, которые стали характеристиками Dasein, ибо он

³⁴ Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 20: Prolegomena zur Geschichte des Zeitbegriffs. Frankfurt am Main, 1979. S. 402.

³⁵ McGrath S.J. The early Heidegger and Medieval Philosophy: Phenomenology for the Godforsaken. Washington (D.C.), 2006. P. 103.

³⁶ Heidegger M. Einleitung zu: «Was ist Metaphysik?» // Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 9: Wegmarken. Frankfurt am Main, 1976. S. 374–375.

³⁷ Х. Арендт говорит о чуде *рожденности*, дополняя образ Dasein, ибо человек не только смертный, но и *рожденный*, и благодарное переживание этого не менее важно для понимания Dasein, чем бытие-к-смерти (Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни. СПб., 2000. С. 230–232, 328).

³⁸ Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 20: Prolegomena zur Geschichte des Zeitbegriffs. S. 403.

³⁹ Ibid.

увидел моменты чрезвычайно интенсивного переживания жизни, которая оказалась под угрозой. Он «вернулся домой с фронта философски преобразованным»⁴⁰, однако эта трансформация была весьма непростой. Как пишет Р. Сафрански:

Война дотла выжгла все наносное – оставив лишь голое ядро человеческой личности, которое молодой Хайдеггер с расплывчатым пафосом называл «мощью личностного начала», «верой в самоценность» или «тем, что принадлежит к центральному “я”». Это насильственное сведение человеческой личности к ее «ядру» в глазах Хайдеггера было великим обнадеживающим шансом: именно теперь, казалось ему, человек сумеет преодолеть «все малоценное в своем случайном окружении» – но, конечно, только в том случае, если обладает внутренней силой, привык полагаться только на самого себя и готов отринуть фальшивый дух порождаемого цивилизацией комфорта⁴¹.

Сведение личности к ее ядру – это и есть *Dasein im Menschen*, т.е. существенное и неустранимое в человеке. Стало быть, философ переосмысляет экзистенциальный опыт, вследствие чего столкновение с бездной уже не топтит человека в ужасе как предельном выражении страха, напротив, это состояние преодолевается: Ничто характеризуется покоем, тогда как озабочившееся и суетящееся сущее провоцирует страх. Трансцендируя, человек преодолевает страх, но не тревогу. Страх принадлежит онтическому, он характеризует павшее состояние: «Страх есть упавшая в “мир”, несобственная и от себя самой как таковая скрытая тревога»⁴². А когда человек восходит к Ничто, выступая из павшего состояния в подлинное, то есть в каком-то отношении возвышается над сущим, отрешается от сущего, тогда он превосходит страх. Поэтому и смерть более не вызывает ужаса, но принимается с молчаливой решимостью: «С трезвой тревогой, которая ставит перед обособленной способностью быть, вместе следует и настороженная радость (*die gerüstete Freude*) от этой возможности»⁴³. Это важно для понимания Хайдеггера: *тревоге сопутствует радость*. Вместе они суть два способа раскрытия бытия: «Другая возможность такого открытия таит радость от присутствия существующего (*die Freude an der Gegenwart des Daseins*), – не просто личности, – любимого человека»⁴⁴. Так заканчивается история о мрачном философе ужаса и смерти⁴⁵, а вместе с тем начинается новая, в которой

⁴⁰ Kisiel Th. *The genesis of Heidegger's Being and Time*. Berkeley; Los Angeles, 1993. P. 15.

⁴¹ Сафрански Р. Хайдеггер: Германский мастер и его время. М., 2005. С. 130. (Курсив во внутренних цитатах выпрямлен. – А.Г.).

⁴² Heidegger M. *Gesamtausgabe*. Bd. 2: *Sein und Zeit*. S. 252.

⁴³ *Ibid.* S. 410–411.

⁴⁴ Heidegger M. *Was ist Metaphysik?* S. 110.

⁴⁵ Такой образ философа – достаточно распространенная мистификация, которая настолько утвердилась, что некоторых исследователей именно это и привлекает в Хайдеггере (Вавилов А.В. Актуальность хайдеггеровской герменевтики жуткого в современной философии. С. 315–356). Но такую трактовку нельзя считать корректной. Как отмечает Г. Модер: «Как критики Мартина Хайдеггера, так и его последователи сходятся в том, что он был консервативным экзистенциалистским философом страха, вины и смерти. Подобное восприятие его все еще является преобладающим, прежде всего в англоязычной литературе, но и не только в ней, хотя уже десятилетия назад было показано, что такая интерпретация его трудов очень узка, если не полностью ошибочна» (Модер Г. «Выдержанность в ничто бытия»: Хайдеггер и образ смерти с косою // Новое литературное обозрение. 2014. № 6. С. 37).

жизнь, хотя и не становится менее трагичной и от человека по-прежнему требуется мужество, однако теперь уже *без хулы на жизнь*, как сказал бы Ницше. Предательство радости М. Шелер назвал главной проблемой немецкой истории духа XIX в.⁴⁶ По крайней мере в этом Хайдеггер не был повинен. Так, в начале 40-х гг. он поясняет, что имел в виду в «Бытии и времени», говоря о себе в третьем лице:

Здесь возникает учение о «настроениях», и о «настроениях» говорится, что они не являются неким аккомпанементом (*eine Begleitmusik*) поведения человека, но определяют в основании. Это «учение о настроениях» можно было бы считать «полезным» для психологии и психиатрии, если бы только в обычной хайдеггеровской односторонности тревога не провозглашалась как «само» сущностное настроение («*die*» *wesentliche Stimmung*). Верно, что в «Бытии и времени» только тревога рассматривается подробно. Но не менее определено, что заголовок §40, посвященный тревоге, имеет следующую формулировку: «Основное настроение тревоги как *одна* отличительная раскрытость существующего (*als eine ausgezeichnete Erschlossenheit des Daseins*)». Здесь не говорится ни о том, что тревога есть «сама» отличительная раскрытость существующего («*die*» *ausgezeichnete Erschlossenheit des Daseins*), ни даже о том, что она единственная. Если в ходе вопрошания в «Бытии и времени» все же подробно рассматривается только это «одно» основное настроение (*nur von dieser «einen» Grundstimmung*) – тревога, то вполне понятно, что сначала имеет смысл поразмыслить о том, с чем это могло быть связано⁴⁷.

Из этих слов можно увидеть, что *основное* настроение не есть *единственное*, оно лишь используется в качестве рабочего инструмента для раскрытия искомой цели. И если поразмыслить о том, что определило выбор именно такого основнастроения у молодого феноменолога, то можно вспомнить о герменевтике фактичности и трансформативном опыте Первой мировой войны, а также об уже приводившихся выше словах У. Олтмана о том, что вся ранняя философия Хайдеггера определяется настроениями *Nachkriegszeit*, вследствие чего весь строй «Бытия и времени» есть как бы похоронная оратория. Однако война не может идти вечно. Когда она заканчивается и боль от нее утихает, наступает тихое умиротворение, отрешенность. Согласно Хайдеггеру, опыт тревоги и пугающей бездомности уравновешивается другим глубинным переживанием: «Что есть радость? Изначальная сущность радости есть обретение крова (*das Heimischwerden*) в близости к истоку»⁴⁸. Если из-за тревоги мы лишаемся дома и чувствуем пугающую уязвимость существования (*Unheimlichkeit*), то благодаря радости мы, напротив, приближаемся к истоку и обретаем почву под ногами, бытие как бы одомашнивает человека. Но почему можно говорить о радости? Почему бездна не вызывает парализующего ужаса и безрассудства, которые характерны для панических атак и вообще страха смерти? Почему Ничто не вызывает ужаса?

⁴⁶ Шелер М. О предательстве радости // Шелер М. О сущности философии: работы разных лет. М., 2020. С. 299–303.

⁴⁷ Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 49: Die Metaphysik des deutschen Idealismus. Zur erneuten Auslegung von Schelling: Philosophische Untersuchungen über das Wesen der menschlichen Freiheit und die damit zusammenhängenden Gegenstände (1809). Frankfurt am Main, 1991. S. 32.

⁴⁸ Heidegger M. «Heimkunft / An die Verwandten» // Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 4: Erläuterungen zu Hölderlins Dichtung. Frankfurt am Main, 1981. S. 25.

Ответ уже был озвучен, его остается только пояснить: потому что «бытие и ничто – одно и то же», а значит опыт Ничто есть опыт Бытия: «Это экзистенциальная позитивность Ничто тревоги (Das ist die existenziale Positivität des Nichts der Angst)»⁴⁹. В особые моменты тревоги сущее расступается и перед существующим раскрывается Ничто, но не в смысле ужасной и пугающей пустоты, а в смысле бытия. Ибо путь, который совершается в «Бытии и времени» – это путь к бытию, путь понимания бытия. Бытие раскрывается в выдвинутости в Ничто (in das Nichts hinausgehaltenen), в удержании себя вне сущего, в трансцендировании, когда вещи мира не мешают человеку быть. Не быть чем-то или кем-то, но именно быть. Человек как бы оголяется, остается лишь его суть, Dasein. Впоследствии это получит имя отрешенности (Gelassenheit), оставленности в свободе бытия. Поэтому в выдвинутости в Ничто человек опознает себя как существующего, но он не просто существует, а раскрыт бытию, ибо он экзистирует, существует собственным образом. С молчаливой решимостью и трезвой тревогой существующий вглядывается в бесосновность, а поскольку Ничто мыслится в связи с бытием, вглядывание в бездну не разрушает, но возвышает над человеческим, слишком человеческим. Страх остается позади, человек обретает нечто важное, другое основонастроение: «Отрешенность от вещей и открытость для тайны»⁵⁰. В этой открытости сокровенному, тайне, das Geheimnis, человек обретает свой приют, кров, das Heim. Так unheimlich смеяет geheim. Но это, конечно, только начало пути...

Список литературы

- Айленбергер В.* Время магов. Великое десятилетие философии: 1919–1929 / Пер. с нем. Н. Федоровой. М.: Ад Маргинем Пресс: Музей современного искусства «Гараж», 2021. 400 с.
- Арендт Х.* Vita activa, или О деятельной жизни / Пер. с нем. и англ. В.В. Бибихина; под ред. Д.М. Носова. СПб.: Алетейя, 2000. 437 с.
- Арендт Х.* Что такое экзистенциальная философия? // *Арендт Х.* Опыты понимания, 1930–1954. Становление, изгнание и тоталитаризм / Пер. с англ. Е. Бондал, А. Васильевой, А. Григорьева, С. Моисеева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. С. 294–332.
- Бибихин В.В.* Примечания переводчика // *Хайдеггер М.* Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. С. 448–451.
- Вавилов А.В.* Актуальность хайдеггеровской герменевтики жуткого в современной философии // *М. Хайдеггер и русская философская мысль. Коллективная монография / Отв. ред. Ю.М. Романенко.* СПб.: РХГА, 2020. С. 315–356.
- Визгин В.П.* Освальд Шпенглер и Мартин Хайдеггер // *Философские науки.* 2015. № 7. С. 68–82.
- Гагинский А.М.* Dasein в России: еще раз к вопросу о переводе // *Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии.* 2022. № 4 (16). С. 110–133.
- Карнап Р.* Преодоление метафизики логическим анализом языка / Пер. с нем. А.В. Кезина // *Аналитическая философия: Становление и развитие (антология) / Общ. ред. и сост. А.Ф. Грязнова.* М.: Дом интеллектуальной книги: Прогресс Традиция, 1998. С. 69–89.

⁴⁹ *Heidegger M.* Gesamtausgabe. Bd. 20: Prolegomena zur Geschichte des Zeitbegriffs. S. 402.

⁵⁰ См.: *Heidegger M.* Gelassenheit // *Heidegger M.* Gesamtausgabe. Bd. 16: Reden und andere Zeugnisse eines Lebensweges. Frankfurt am Main, 2000. S. 517–529.

- Кьеркегор С. Понятие страха / Пер. с дат. Н.В. Исаевой, С.В. Исаева. М.: Академический проект, 2022. 217 с.
- Модер Г. «Выдержанность в ничто бытия»: Хайдеггер и образ смерти с косою / Пер. с англ. А. Слободкина // Новое литературное обозрение. 2014. № 6. С. 37–49.
- Ницше Ф. Воля к власти: Опыт переоценки всех ценностей / Пер. с нем. Е. Грецьк и др. М.: Культурная Революция, 2005. 880 с.
- Пикунова А. Оптика жуткого «Unheimlich – опыт» в новеллах Эдгара По // Опыт и чувственное в культуре современности: Философско-антропологические аспекты / Отв. ред. В.А. Подорога. М.: ИФ РАН, 2004. С. 123–135.
- Сафрански Р. Хайдеггер: Германский мастер и его время / Пер. с нем. Т.А. Баскаковой при участии В.А. Брун-Цехового. М.: Молодая гвардия, 2005. 614 с.
- Фрейд З. Жуткое / Пер. с нем. Р.Ф. Додельцева // Фрейд З. Художник и фантазирование. М.: Республика, 1995. С. 265–281.
- Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997. 451 с.
- Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики / Пер. с нем. О.В. Никифорова. М.: Русское феноменологическое общество, 1997. 176 с.
- Хайдеггер М. Понятие времени / Пер. с нем. А.П. Шурбелёва. СПб.: Владимир Даль, 2021. 199 с.
- Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Хайдеггер М. Время и бытие / Пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Республика, 1993. С. 16–27.
- Шелер М. О предательстве радости // Шелер М. О сущности философии: работы разных лет / Пер. с нем. А.Н. Малинкина. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. С. 299–303.
- Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1 / Пер. с нем. К.А. Свасьяна. М.: Мысль, 1998. 663 с.
- Щербатых Ю.В. Психология страха: популярная энциклопедия. М.: Эксмо, 2005. 414 с.
- Altman W.H.F. Martin Heidegger and the First World War: Being and Time as Funeral Oration. Lanham: Lexington Books, 2012. 350 p.
- Bergo B. Anxiety: A Philosophical History. N.Y.: Oxford University Press, 2021. 514 p.
- Heidegger M. Einleitung zu: «Was ist Metaphysik?» // Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 9: Wegmarken. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1976. S. 365–384.
- Heidegger M. Gelassenheit // Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 16: Reden und andere Zeugnisse eines Lebensweges. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 2000. S. 517–529.
- Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 2: Sein und Zeit. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1977. XIV, 583, IV S.
- Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 20: Prolegomena zur Geschichte des Zeitbegriffs. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1979. XII, 448 S.
- Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 3: Kant und das Problem der Metaphysik. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1991. 317 S.
- Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 4: Erläuterungen zu Hölderlins Dichtung. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1981. 208 S.
- Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 49: Die Metaphysik des deutschen Idealismus. Zur erneuten Auslegung von Schelling: Philosophische Untersuchungen über das Wesen der menschlichen Freiheit und die damit zusammenhängenden Gegenstände (1809). Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1991. 209 S.
- Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 64: Der Begriff der Zeit. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 2004. 133 S.
- Heidegger M. Vita // Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 16: Reden und andere Zeugnisse eines Lebensweges. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 2000. S. 41–45.
- Heidegger M. Vorwort zur ersten Ausgabe der «Frühen Schriften» (1972) // Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 1. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1977. S. 55–58.
- Heidegger M. Was ist Metaphysik? // Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 9: Wegmarken. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1976. S. 103–122.
- Kisiel Th. The genesis of Heidegger's Being and Time. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1993. XIII, 608 p.

- Martin Heidegger – Elizabeth Blochmann. Briefwechsel 1918–1969 / Hrsg. von J.W. Storck. Marbach am Neckar: Deutsche Schillergesellschaft, 1989. 169 S.
- McGrath S.J. The early Heidegger and Medieval Philosophy: Phenomenology for the Godforsaken. Washington (D.C.): Catholic University of America Press, 2006. 268 p.
- Mein liebes Seelchen! Briefe Martin Heideggers an seine Frau Elfride, 1915–1970 / Hrsg. von G. Heidegger. München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2005. 414 S.
- Müller-Lauter W. Heidegger und Nietzsche. Nietzsche Interpretationen III. Berlin; N.Y.: Walter de Gruyter, 2000. 366 S.
- Nietzsche F. Werke. Bd. 6: Also sprach Zarathustra: Ein Buch für Alle und Keinen. Leipzig: C.G. Naumann, 1899. 533 S.
- Ochsner H. Das Mass des Verborgenen. Aufsätze, Aufzeichnungen, Vorträge und Briefe. Hannover: Charis-Verlag, 1981. XII, 341 S.
- Reinach A. Aufzeichnungen // Reinach A. Sämtliche Werke. Bd. 1. München: Philosophia Verlag, 1989. S. 589–611.
- Spengler O. Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1972. 1249 S.
- Steiner G. Martin Heidegger. With a new Introduction. Chicago: The University of Chicago Press, 1991. 208 p.

Heidegger, Nothingness and the overcoming of the fear of death

Alexey M. Gaginsky

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: algaginsky@gmail.com

The article examines the “philosophy of anxiety” of early Heidegger. The influence of Nietzsche on the young philosopher is noted, as well as the traumatic experience of World War I, which very strongly influenced the worldview of the author of *Being and Time*, making him reconsider, among other things, his attitude to the “system of Catholicism”. The article examines Heidegger’s description of the situation where one is seized by anxiety, where one would not expect it at all, where one normally feels at home. Normally, being fallen, that is, being in the world and bustling with daily chores, one feels secure in the midst of beings, at home. However, something happens to him that robs him of his tranquility. This occurs because the existent (Dasein) is disturbed im Grunde seines Seins, at the core of his being; one is aware of his own mortality and the finitude of being, which constitutes a threat, opening the possibility of anxiety (immortal beings, such as angels, treat being differently, for them the analysis of Dasein is irrelevant). Fear belongs to the ontic, it relates to the fallen state. When one ascends to the Nothingness, which is revealed as Being, that is, when one rises above being in some respect, one surpasses fear as well. In the course of the article, the question of translating some of Heidegger’s concepts into Russian is discussed, which is an urgent task for the Heideggerian studies.

Keywords: God, being, beings, nothingness, fear, anxiety, death, M. Heidegger

For citation: Gaginsky, A.M. “Khaidegger, Nichto i preodolenie strakha smerti” [Heidegger, Nothingness and the overcoming of the fear of death], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2023, Vol. 16, No. 3, pp. 85–102. (In Russian)

References

- Altman, W.H.F. *Martin Heidegger and the First World War: Being and Time as Funeral Oration*. Lanham: Lexington Books, 2012. 350 pp.
- Arendt, H. “Chto takoe jekzistencial’naja filosofija?” [What is existential philosophy], in: H. Arendt, *Opyty ponimaniya, 1930–1954. Stanovlenie, izgnanie i totalitarizm* [Essays

- in Understanding, 1930–1954. Formation, Exile, and Totalitarianism], trans. by E. Bondal, A. Vasil'eva, A. Grigor'ev, S. Moiseev. Moscow: Institut Gajdara Publ., 2018, pp. 294–332. (In Russian)
- Arendt, H. *Vita activa, ili O deyatel'noj zhizni* [The Human Condition], trans. by V.V. Bibihin; ed. by D.M. Nosov. St. Petersburg: Aletejja Publ., 2000. 437 pp. (In Russian)
- Bergo, B. *Anxiety: A Philosophical History*. New York: Oxford University Press, 2021. 514 pp.
- Bibihin, V.V. “Primechanija perevodchika” [Notes of the translator], in: M. Heidegger, *Bytie i vremja* [Being and Time]. Moscow: Ad Marginem Publ., 1997, pp. 448–451. (In Russian)
- Carnap, R. “Preodolenie metafiziki logicheskim analizom jazyka” [Overcoming metaphysics by the logical analysis of language], trans. by A.V. Kezin, *Analiticheskaja filosofija: Stanovlenie i razvitie (antologija)* [Analytical philosophy: Formation and development. An Anthology], ed. by A.F. Gryaznov. Moscow: Dom intellektual'noj knigi Publ.; Progress Tradicija Publ., 1998, pp. 69–89. (In Russian)
- Eilenberger, V. *Vremja magov. Velikoe desjatiletie filosofii: 1919–1929* [A time of magicians: A great time of philosophy: 1919–1929], trans. by N. Fyodorova. Moscow: Ad Marginem Publ.; Garazh Publ., 2021. 400 pp. (In Russian)
- Freud, S. “Zhutkoe” [Uncanny], trans. by R.F. Dodeltsev, in: S. Freud, *Hudozhnik i fantazirovanie* [The artist and fantasy]. Moscow: Respublika Publ., 1995, pp. 265–281. (In Russian)
- Gaginsky, A.M. “Dasein v Rossii: eshhe raz k voprosu o perevode” [Dasein in Russia: one more time about translation], *Trudy kafedry bogoslovija Sankt-Peterburgskoj Duhovnoj Akademii*, 2022, No. 4 (16), pp. 110–133. (In Russian)
- Heidegger, G. (Hg.) *Mein liebes Seelchen! Briefe Martin Heideggers an seine Frau Elfride, 1915–1970*. München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2005. 414 S.
- Heidegger, M. “Chto takoe metafizika?” [What is metaphysics?], in: M. Heidegger, *Vremja i bytie* [Time and Being], trans. by V.V. Bibihin. Moscow: Respublika Publ., 1993, pp. 16–27. (In Russian)
- Heidegger, M. “Vorwort zur ersten Ausgabe der ‘Frühen Schriften’ (1972)”, in: M. Heidegger, *Gesamtausgabe*, Bd. 1. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1977, S. 55–58.
- Heidegger, M. “Was ist Metaphysik?”, in: M. Heidegger, *Gesamtausgabe*, Bd. 9: *Wegmarken*. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1976, S. 103–122.
- Heidegger, M. *Bytie i vremja* [Being and time], trans. by V.V. Bibihin. Moscow: Ad Marginem Publ., 1997. 451 pp. (In Russian)
- Heidegger, M. *Gesamtausgabe*, Bd. 2: *Sein und Zeit*. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1977. XIV, 583, IV S.
- Heidegger, M. *Gesamtausgabe*, Bd. 20: *Prolegomena zur Geschichte des Zeitbegriffs*. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1979. XII, 448 S.
- Heidegger, M. *Gesamtausgabe*, Bd. 3: *Kant und das Problem der Metaphysik*. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1991. 317 S.
- Heidegger, M. *Gesamtausgabe*, Bd. 4: *Erläuterungen zu Hölderlins Dichtung*. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1981. 208 S.
- Heidegger, M. *Gesamtausgabe*, Bd. 49: *Die Metaphysik des deutschen Idealismus. Zur erneuten Auslegung von Schelling: Philosophische Untersuchungen über das Wesen der menschlichen Freiheit und die damit zusammenhängenden Gegenstände (1809)*. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1991. 209 S.
- Heidegger, M. *Gesamtausgabe*, Bd. 64: *Der Begriff der Zeit*. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 2004. 133 S.
- Heidegger, M. *Kant i problema metafiziki* [Kant and the problem of metaphysics], trans. by O.V. Nikiforov. Moscow: Russkoe fenomenologicheskoe obshhestvo Publ., 1997. 176 pp. (In Russian)
- Heidegger, M. *Ponjatje vremeni* [Concept of time], trans. by A.P. Shurbel'jov. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 2021. 199 pp. (In Russian)
- Kierkegaard, S. *Ponjatje straha* [The concept of anxiety], trans. by N.V. Isaeva, S.V. Isaev. Moscow: Akademicheskij proekt Publ., 2022. 217 pp. (In Russian)
- Kisiel, Th. *The genesis of Heidegger's Being and Time*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1993. XIII, 608 pp.

- McGrath, S.J. *The early Heidegger and Medieval Philosophy: Phenomenology for the Godforsaken*. Washington, D.C.: Catholic University of America Press, 2006. 268 pp.
- Moder, G. “‘Vyderzhannost’ v nichto bytija’: Hajdegger i obraz smerti s kosoju” [‘Held Out into the Nothingness of Being’: Heidegger and the Grim Reaper], trans. by A. Slobodkin, *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2014, No. 6, pp. 37–49. (In Russian)
- Müller-Lauter, W. *Heidegger und Nietzsche. Nietzsche Interpretationen III*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2000. 366 S.
- Nietzsche, F. *Volja k vlasti: Opyt pereocenki vseh cennostej* [Will to Power: The experience of revaluation of all values], trans. by E. Gretzik et al. Moscow: Kul’turnaja Revoljucija Publ., 2005. 880 pp. (In Russian)
- Nietzsche, F. *Werke, Bd. 6: Also sprach Zarathustra: Ein Buch für Alle und Keinen*. Leipzig: C.G. Naumann, 1899. 533 S.
- Ochsner, H. *Das Mass des Verborgenen. Aufsätze, Aufzeichnungen, Vorträge und Briefe*. Hannover: Charis-Verlag, 1981. XII, 341 S.
- Pikunova, A. “Optika zhutkogo ‘Unheimlich – opyt’ v novellakh Edgara Po” [The optics of the uncanny ‘Unheimlich – experience’ in the novels of Edgar Poe], *Opyt i chuvstvennoe v kul’ture sovremenosti: Filosofsko-antropologicheskie aspekty* [Experience and the Sensual in Contemporary Culture: Philosophical and Anthropological Aspects], ed. by V.A. Podoroga. Moscow: IPh RAS Publ., 2004, pp. 123–135. (In Russian)
- Reinach, A. “Aufzeichnungen”, in: A. Reinach, *Sämtliche Werke*, Bd. 1. München: Philosophia Verlag, 1989, S. 589–611.
- Safranski, R. *Heidegger: Germanskij master i ego vremja* [Heidegger: German master and his time], trans. by T.A. Baskakova, V.A. Brun-Zechovoi. Moscow: Molodaja gvardija Publ., 2005. 614 pp. (In Russian)
- Scheler, M. “O predatel’stve radosti” [On the betrayal of joy], in: M. Scheler, *O sushhnosti filosofii: raboty raznyh let* [On the essence of philosophy: various works], trans. by A.N. Malinkin. Moscow: Centr gumanitarnyh iniciativ Publ., 2020, pp. 299–303. (In Russian)
- Sherbatyh, Ju.V. *Psihologija straha: populjarnaja jenciklopedija* [Psychology of fear: A popular encyclopedia]. Moscow: Eksmo Publ., 2005. 414 pp. (In Russian)
- Spengler, O. *Der Untergang des Abendlandes: Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte*. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1972. 1249 S.
- Spengler, O. *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoj istorii* [The decline of Europe. Essays on the Morphology of World History], Vol. 1, trans. by K.A. Svas’jan. Moscow: Mysl’ Publ., 1998. 663 pp. (In Russian)
- Steiner, G. *Martin Heidegger. With a new Introduction*. Chicago: The University of Chicago Press, 1991. 208 pp.
- Storck, J.W. (Hg.) *Martin Heidegger – Elizabeth Blochmann. Briefwechsel 1918–1969*. Marbach am Neckar: Deutsche Schillergesellschaft, 1989. 169 S.
- Vavilov, A.V. “Aktual’nost’ hajdeggerovskoj germenevтики zhutkogo v sovremennoj filosofii” [Actuality of Heidegger’s hermeneutic of uncanny in contemporary philosophy], *M. Hajdegger i russkaja filosofskaja mysl’*. Kollektivnaja monografija [M. Heidegger and russian philosophical thought], ed. by J.M. Romanenko. St. Petersburg: RHGA Publ., 2020, pp. 315–356. (In Russian)
- Vizgin, V.P. “Oswald Spengler i Martin Heidegger” [Oswald Spengler and Martin Heidegger], *Filosofskie nauki*, 2015, No. 7, pp. 68–82. (In Russian)